

Ветви и

Нарисовать генеалогическое древо Московского Художественного театра от корней его до дня открытия — задача графически не очень сложная. Хотя так: вверху некий кружок — МХТ. Или МХОТ, как именovali сначала свое дело его участники: Московский Художественно-Общедоступный театр. Внутри кружка или вне его, как подскажет фантазия, имена (и, по желанию, лица) тех, кто вошел в труппу первого сезона. Имена не столь уж многочисленны: 37, по отчету за первый год работы.

Отчет был составлен секретарем дирекции Г.Д.Рындзюнским и издан типографски, хотя назначался "для внутреннего употребления". В первую очередь его адресовали членам "Товарищества на вере", которые внесли денежные пай, обеспечив открытие Театра.

[illegible]

Какая прекрасная и естественная наполненность жизни, — словно у Художественного театра есть некие воздушные связи, не укореняющие его, а соединяющие с подвижным миром вокруг.

Вот первая трудность, она же и первая: соплатить за графику, рисующего не надо: не вписал ли в чертёж его corner'ы, что, относительно если не с эстетической, родословной Театра, так с материальными гарантиями его возникновения, характеризует его первых художников. Вспомните, например, как в Театре Тимофеевича Морозова в числе Морозова связан сюжет жизни с новым делом надого (как обойтись без него, рисуя "дрезы"? Не обойтись, однако не сразу отыщется место, куда эту великолепно и резкою фигуру "ввертеть", "вписать"). Первым, однако, был не Силва Тимофеевич, а Денис угодный, а затем и Александр Морозов, который как тогда обозначали его, производно, одного из зачатей русской химической промышленности, В.И. Неймарков-Даченко на шутливое бротожение – дескать, хотя не зыбавый, что раньше прочих так раскопался, – ответил общением: всегда так и скажу, коли с кем об этом говорить придется.

Конкретно Ушков ждал, чтобы у немцев ушла всякая киньята Елизавета Федоровна, жена московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. Под их августейший патронаж находилось Московское филармоническое общество в целом, Музыкально-драматическое училище при этом Обществе — в частности. Елизавета Федоровна покровительствовала училищу, ввела в его дела глубоко и деликатно; такой же незаметный и деликатный была ее помощь, когда педагог училища и молодые люди из нескольких его выпусксов, соединяясь с группой артистов из Московского консерваторского училища, подали бумагу, ходатайствовавшую о разрешении выступать в школьных театрах. Впервые в 1905 году.

Можно остановиться хотя бы на двух этих лицах, таких значимых, столь по-разному и равно трагически вписанных в начинающий.

сы двадцатый век. Морозов и Елизавета Федорова. Связанный с днем рождения МХТ фрагмент из жизни предпринимателя-самобытца, без чьей дававшей денег на большевистское подполье, и связанный с тем же днем рождения МХТ фрагмент из жизни престелой и несчастной женщины, убежденно избравшей мученичество, убитой в 1918 году, причисленной к лику святых и поющей в православной церкви в Иерусалиме. Это хорошо бы осмыслить в соседстве, разместить в пространстве графического листа, оно же – в известной степени – пространственно истории страны.

Впрочем, необязательно держаться скрепящий столь драматически содержательных. Занятно проследить любую судьбу, хотя бы судьбу самого добросовестного делного составителя отчета, студента-юриста Рындинского. Из МХТ он ушел, кончил университет. В адресной книге "Вся Москва" на 1926-й год можно найти его в числе работников Наркомата юстиции. Известны даты жизни: после тире — 1937.

По законам генеалогического древа к кружку наверху подводят снизу два прямых голенища. В нашем случае один прямоугольник обозначит Музыкально-драматическое училище при Московском филармоническом обществе (в рамке, вероятно, имена тех из 37 актеров, кто получил здесь образование и здесь начал мечтать о новой сцене), другой же обозначит Общество искусства и литературы (соответственно в рамке — имена тех, кто пришел в Театр отсюда. Кстати, и Рындзюнский в их числе).

Происхождение нового и прочного театрального организма от слияния двух весьма несходных организмов, до того существовавших обособленно, само по себе не чрезвычайно. Для русской сцены даже традиционно. Начать с того, что, праздная дата создания первого русского профессионального театра (1756 год), празднуем именно итог взаимодействия петербуржцев, воспитанников Шляхетного корпуса, и охочих комедиантов из Ярославля.

Скрупулезности ради можно указать, кто вступил в труппу МХТ с рекомендациями с стороны (например, из Петербурга с рекомендацией великого артиста В.Н.Давыдова пришел — и быстро ушел — его ученик В.А.Ланской; из Императорского училища взяли по совету Южина С.Н.Судьбинина; откуда же был В.Ф.Грибунин: из всех «чужаков» он один вошел в МХТ навсегда).

Обозначить присутствие "соловьевцев", пожалуй, врану стоило бы: полезно как корсетивка к мифологии Театра. В великих "народных сценах" МХТ играли не только по принципу: "сегодня Гамлет, завтра статист"; использовались и недорогие статисты без будущности Гамлета. Впрочем, это в сторону.

Линии от двух "главных" прямоугольников по прямой вниз уходят не очень далеко. В качестве родоначальников филармонического училища кого-то (или что-то) вряд ли удастся обозначить сколько-нибудь убедительно. С Императорскими театральными училищем преемственности нету: с Малым театром связь скорее через общую воздушную среду, нежели непосредственная. После того как Южин передал своих здешних учеников и вообще свои здешние обязанности — своему и другу, Владимиру Ивановичу, копи-

Незадолго до своего столетнего юбилея Художественный театр Олег Ефремов начал властно уговаривать своих коллег: давайте сделаем плакат: «Древо МХТ». Пуста будет такая замечательная картинка, которая во-первых покажет, в какой степени едва ли не половина московских (до развала только московских!) театров породина с мхатовским корнем. Разве нам самим неинтересно представить себе эти расходящиеся ветви, каждая из которых в свой черед давала и дает отростки, отщипы, новые соединения уже через корни воздушные?

Да. Интересно.

Оставалось ломать голову, как все это представить в графике, привлекая на помощь и опыты геральдики с чертежами родословных, и символика изображения дерева (тут тебе и "мировое древо" из северных саг, и библейское древо жизни и древо познания, и "древо битв" из средневековых рукописей). Древо, как на ветвях прорастают группы воинов, тут же зацветающих в стрелы. Древо с рупором. Но прежде чем вложить фантазию художника-плакатиста, за дело пришлось звать историков сцены. Так появился плакат И.Н.Соловьевой "Ветви и корни", которую сейчас готовят к печати в издательстве "Московский художественный театр". Мы начинаем печатать фрагменты из этой книги.

ные мастера из Малого сюда заглядывали редко. У школы, где преподает Немирович-Данченко и где учатся Москвин, Мейерхольд, Книппер, Роксанова, Кошневров, есть как бы "кузны" (например, классы московской консерватории, возникшие примерно тогда же, когда глава филармонистов П.А.Шостакович затевал свое дело), а предков не дошедшихся.

Так же обогатил себя с родословной Общества искусства и литературы. Можно сказать, что с Алексеевским кружком. Но для самого Станиславского творческие увлечения не были связаны с членством в Обществе и с его эстетической практикой. Алексеевский кружок, при всем его обаянии, принадлежал общему типу и общему слою московского театрального любительства. В нем не было ничего нового, тут мало что изменила Общество искусства и литературы: задумываться и возникает как будто принципиально новое (подобно этому после всех домашних талантовых уговоров Станиславский и Малевский, которые принципиально новаторские. Частично это можно монтировать; к примеру, у него московского генерал-губернатора, куда поехать по сибирской части при случае приглашать и Станиславского и Немировича-Данченко, и сибирского губернатора, и сибирского Общества искусств).

После того, как из союза Филармонического общества ушли и Общества искусства и литературы возник МХТ, ни училище, ни Общество не прекратили существования. Училище, можно сказать, и по сей день работает, с 1918 года несколько раз перепрофилированное и переименованное, но сохраняющее свой адрес по Малому Кисловскому, в доме, завещанном ему Кузьмой Терентьевичем Солдатенковым. О Солдатенкове смирно в МХТ не знают, в искусстве, там же Станиславский писал, что «лучшие действия с которыми его поблажала судьба. Вот это одно пересечение, и сколько их еще будет, не все же удастся представить в чертёж, в рисунок, в кружочек корней и ветвей, хороши бы их хоть в виде держат.

Небесполезно было бы исследование: как продолжалась жизнедеятельность там, где по общему суждению историков искусства уже выношен плод, уже исполнено предначертание. Были ли у Общества после 1898 года значительные спектакли? Были ли у педагогов-филармонистов если не целые выпуски, сопоставимые с выпусками 1896 или 1898 года, то хотя бы отдельные ученики, сопоставимые по масштабу с Москвитини?

Один-то такой, беспорочно был: в 1902 году окончил курс в актерских классах Иллариона Певцова; стал потом участником провинциальных скитаний труппы Мейерхольда; актер Студии на Поварской (высший оклад, судя по ведомости); в 1922 году вступил в МХАТ перед предстоявшими Театру зарубежными гастролями (репетировал "Царя Федора Иоанновича") и от гастрелей отказался: какое-то время играл в Первой студии (король Лир). Актер, отмеченный клеймом гениальности.

Где-то поблизости и от Общества и от Учлища надо обозначить адекватные присутствию Малого театра. Немирович-Данченко с 1880 года его присвоенный драматург. Станиславский его влюбленный зритель (кажется, в прямом смысле влюбленный): в Ермолову. В черновиках "Моя жизнь...": "шутливое признание, будто драматических ролей стал искать, чтобы с Ермоловой хоть по пьесе деловаться...". Наиболее деятельными в окружении Общества были Г.Н. Федотова и Н.М. Медведева.

Ну, и Островский, разумеется: его "Записки" — новой публике и о необходимости новой сцены в Москве с проектами Московского Художественно-Общедоступного театра — составляется всеми историками, хотя достоверных сведений, что К.С. и Вл.Ив. ее читали, вроде бы и нету (издана она была куда позже).

Но вот что любопытно: ближе всех к корням Художественного театра оказывались Александр Федотов и Михаил Лентовский. То есть не те с императорской сцены, кто однажды прийдя, уж и не расставался с ней (судьба типическая), но те, кто принадлежал к малочисленному здесь разряду "уходящих".

Если бы предстояло рисовать не "дерево Художественного театра", а "дерево" Малого, то его удивил бы тем, как мало он изменился. В Малый театр из года в год, кроме учеников его школы, приходили таланты со стороны: пришедшим было, к слову, сказать, Шепкин к императорской сцене дебютировал в 34 года, до того в провинции отыграл 17 лет. "Со стороны" пришел Прох Салопский, "со стороны" пришел Александр Леонский, то же самое – Южия, Левская и др. Способность "прижиться" к себе у стилей Малого театра было словно бы врожденной и сохранялась всегда.

С казенной сцены легко и нередко удачно
переходили в провинцию, распространяя
привитую смолodu культуру (пример А.И.

Здрав и света. —